

РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ. ПРЕДЕЛЫ ПРАГМАТИЗМА*

© 2017 А. ВАСИЛЬЕВ**

Вмешательство Воздушно-космических сил России в сирийский конфликт имело двудединую цель: помощь законному сирийскому правительству и фактически его спасение и разгром или существенное ослабление мощных террористических экстремистских группировок. На конец 2017 г. был достигнут крупный военно-политический успех. На очереди - запуск реального политического процесса между правительством и «здоровой» оппозицией.

При этом стремление к сотрудничеству с США и, в целом, со странами Запада в регионе остается важным вектором российской политики. «Враг моего врага» может быть общим врагом. Но эта логика не находит понимания в Вашингтоне.

Без России стало невозможно решать многочисленные проблемы региона. Но РФ не может быть на Ближнем и Среднем Востоке, в целом, «дирижером» оркестра в силу, прежде всего, того, что главные экономические связи стран региона направлены в сторону Запада, ЕС, Китая, а также Индии.

Брожение в регионе с терактами и конфликтами будет продолжаться на уровне нынешнего или более умеренного хаоса. Остается подвешенной судьба «матери всех конфликтов» - израильско-палестинского. РФ будет продолжать деидеологизованную политику прагматизма, выражая заинтересованность в стабильности и безопасности в регионе. Выбор пути развития остается за народами Ближнего и Среднего Востока.

Ключевые слова: сирийский кризис, терроризм, российская военная кампания в Сирии, регион Ближнего и Среднего Востока, арабо-израильский конфликт

RUSSIA IN THE MIDDLE AND MIDDLE EAST. LIMITS OF PRAGMATISM*

Alexey M. VASILIEV, member, Russian Academy of Sciences (RAS); Honorary President, Institute for African Studies (RAS); Chair, African and Arab Studies, People's Friendship University of Russia (PFUR); Editor-in-Chief, «Asia and Africa today» journal (dir@inafr.ru)

Intervention of the Russian Aerospace Forces into the Syrian conflict has had a twofold goal: to help the legitimate Syrian government, in fact to save it and defeat or significantly weaken powerful extremist terrorist groups. At the end of 2017, a major military-political success has been achieved. Next task is to launch a real political process between the government and the so called «healthy» opposition.

At the same time, the desire to cooperate in the region with the United States and with the Western countries in general remains an important vector of Russian policy. «Enemy of my enemy» could be a common enemy. But this logic does not find understanding in Washington.

It became impossible to solve numerous problems of the region without Russia. Nevertheless since the main economic ties of the countries of the region are directed toward the West, the EU, China, and India the RF can not play in general in the Near and Middle East the role of «conductor» of the orchestra.

The ferment in the region caused by terrorism and conflicts will be going on at the level of present or more moderate chaos. The fate of the «mother of all conflicts» - the Israeli-Palestinian one - remains suspended. The Russian Federation will continue to implement deideologized policy of pragmatism, expressing its interest in stability and security in the region. The choice of the path of development remains for the peoples of the Near and Middle East.

Keywords: the Syrian crisis, terrorism, the Russian military campaign in Syria, the Middle and Middle East region, the Arab-Israeli conflict

Сирийский кризис продолжается седьмой год. В него оказались вовлеченными действующие лица регионального и общемирового калибра.

* Статья подготовлена при поддержке проекта РФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: перспективы и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).

** Васильев А.М. От Ленина до Путина: Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., Центрполиграф, 2017 (Vasiliev A.M. 2017. From Lenin to Putin: Russia in the Near and Middle East. M., Tsentrpoligraf)

ВАСИЛЬЕВ Алексей Михайлович, академик, Почетный президент Института Африки РАН, зав. кафедрой африканистики и арабистики РУДН, Главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня». РФ. 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1 (dir@inafr.ru)

Какие цели ставила Россия, вмешиваясь в сирийские события? Главной была двуединая задача - ослабить экстремистские, террористические организации ИГИЛ, «Ан-Нусра» и их союзников и усилить, а фактически спасти законное сирийское правительство. Одновременно была поставлена цель опробовать и продемонстрировать, хотя и в ограниченных масштабах, возрожденную военную мощь страны. Третья задача, может быть, необъявленная, подразумевала в конкретных сирийских условиях «принудить» США и их союзников сотрудничать с Россией, для начала в военно-тактической области. Наконец, хотя открыто это никогда не высказывалось, найти точки более широкого сотрудничества с Западом и доказать, что оно необходимо всем не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Европе и во всем мире.

Опасности для России, сопряженные с ее военным вмешательством, были очевидны. Одна из них - все более глубокое втягивание в военные действия, что могло привести и привело к гибели российских граждан, пусть в ограниченном числе.

Следующая опасность - подъем антироссийского терроризма, начиная со взорванного пассажирского самолета над Синаем и кончая попыткой организовать или осуществить террористические акты в самой России. Возможно, что этот аспект не был напрямую связан именно с действиями российских ВКС в Сирии; теракты происходили и продолжали бы происходить вне зависимости от прямого участия России в сирийских событиях. Не опубликованы официальные данные о размерах финансового и экономического бремени, которое Россия приняла на себя в связи с сирийской кампанией. Но было бы логичным предположить, что в условиях экономического кризиса оно было тяжелым.

Наконец, нелишне учитывать мощное влияние антироссийски настроенных западных СМИ, которые получили дополнительный повод создать альтернативную, виртуальную реальность, в которой России отводилась роль «деспота», помогающего «кровавому режиму» «уничтожать» собственный народ. Россия была персонифицирована в образе ее президента, что облегчало воздействие на массовую аудиторию. Впрочем, в информационной войне в киберпространстве Россия наносила и существенные контрудары.

НЕ ПОБЕДА. НО УСПЕХ

В целом, российская военная кампания в Сирии означала на конец 2017 г. крупный военно-политический успех. Нельзя употреблять слово «победа», потому что она подразумевает набор других критериев: что считать «победой» или «поражением» в той зыбкой ситуации, которая сложилась в целом в мире и в особенности на

Ближнем и Среднем Востоке? Силловые действия против экстремистских, террористических организаций и их разгром, одновременно запуск политического процесса между правительством и «здоровой» оппозицией, формирование переходного правительства, выработка конституции, выборы в стране - вот это и означало бы победу российской политики.

Парадоксально, но это была бы и победа западной политики, если ее понимать с точки зрения реалий, национальных интересов, а не задачи унижить, ошельмовать Россию и привести к власти кого угодно, только не друзей России, а дальше - хоть трава не расти.

«Россия выступает за политическое урегулирование ситуации в Сирийской Арабской Республике и определение будущего страны сирийским народом на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., заявлений Международной группы поддержки Сирии и соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Россия поддерживает единство, независимость и территориальную целостность Сирийской Арабской Республики как светского, демократического, плюралистического государства, представители всех этноконфессиональных групп которого будут жить в мире и безопасности и пользоваться равными правами и возможностями», - говорится в Концепции внешней политики России 2016 г. [1].

Стратегия выхода из ситуации остается сложной задачей. Россия смогла сыграть в Сирии, но только в Сирии, решающую роль. Если быть реалистами, стоит заранее признать, что, в целом, на Ближнем и Среднем Востоке она в силу, прежде всего, экономических обстоятельств не может играть первую скрипку, тем более, быть дирижером. У стран региона по-прежнему главные направления экономического сотрудничества направлены на США, Западную Европу, Китай и поднимающуюся Индию. Россия в экономической области останется в регионе на вторых-третьих ролях. Поэтому стремление к нахождению общих позиций с Западом остается существенным вектором ее политики.

Действия ВКС в Сирии вызывали, в целом, положительную реакцию российского населения, униженного долгими годами небрежения со стороны Запада. Произошел взлет популярности президента В.В.Путина в годы, когда страна попала в полосу экономического кризиса, а уровень жизни большинства несколько упал. Конечно, главной причиной этого феномена была его твердая позиция по Крыму. Действия в Сирии («мы своих друзей не бросаем») добавляли популярности президенту РФ. Это отвечало специфике внутренней ситуации. Но одновременно создавалась опасность, что кто-нибудь из политической элиты

будет увлечен именно таким способом укрепить существующую структуру власти.

На политику по отношению к Сирии воздействовал и другой фактор, которого в Москве и не скрывали. Речь идет о симпатиях части экстремистски настроенного мусульманского населения как в самой России, так и в бывших советских республиках, к ИГИЛ, «Ан-Нусре» и другим террористическим организациям.

Когда начались действия воздушно-космических сил в Сирии, в рядах джихадистов численность выходцев из России и Средней Азии определялась в 2 тыс. человек. Через полтора года военных действий называлась уже цифра 7 тыс. человек [2]. Это означало, что, несмотря на определенные потери, какая-то часть обстрелянных и фанатизированных боевиков будет возвращаться в Россию и создавать или спящие, или действующие ячейки джихадистов, готовые к терактам. Задача внутренней безопасности, межконфессионального сотрудничества, укрепление традиционной российской толерантности по-прежнему стояла на повестке дня. Нужно было пройти по узкой тропинке применения силы в отношении джихадистов и соблюдения уважения к исламу и мусульманам.

КТО ВЫИГРАЛ, КТО ПРОИГРАЛ?

Кто из региональных и внерегиональных акторов выиграл, и кто проиграл в Сирии? О США мы будем говорить особо.

Турция, заняв изначально позицию поддержки оппозиции, в т.ч. исламистской, неожиданно столкнулась с внутренней дестабилизацией по комплексным причинам. А появление на ее границах еще одного автономного курдского района («Раджава») создало дополнительную тыловую базу для боевых отрядов Курдской рабочей партии, которая ведет вооруженную борьбу против Анкары. Временное обострение отношений с Россией стоило ей серьезных экономических потерь и ослабления геополитических позиций. В целом, вмешательство в Сирии под флагом неосманских иллюзий перечеркнуло надежды Турции на роль лидера Ближнего и Среднего Востока.

А что Иран? Видимо, он выиграл, оказав вместе с ливанской «Хезболлой» военную поддержку режиму Б.Асада. В Ираке он действовал вместе с США, поощряя иракских шиитов на войну с ИГИЛ. Пойдя на компромисс в своей ядерной программе, Иран добился отмены направленных против него санкций и развязал себе руки для активных действий в регионе. Но он стал участником нарастающего шиитско-суннитского противостояния. Для «арабской улицы» он из антизападной, а, значит, популярной державы стал пер-

вым лицом в «шиитской оси», якобы враждебной суннитскому мусульманскому большинству.

И Турция, и Иран увеличили свой геополитический вес, выступив вместе с Россией в Сирии в качестве коспонсоров прекращения огня и активизации политического процесса.

В числе проигравших был Катар, по престижу которого ударила неудачная ставка на исламистов в сирийской гражданской войне. Оказалось, что деньги играют важную, но отнюдь не решающую роль в серьезной политике и в Сирии, и в целом в регионе.

Саудовская Аравия отказалась от роли закулисного игрока, которую она успешно освоила при короле Фейсале в 60-е - 70-е гг. прошлого столетия, и ввязалась в безвыигрышные войны. Она прямо участвует в йеменской войне и косвенно - в Сирии. И в том, и в другом случае это было проявление антииранской стратегии, которая изматывала страну экономически и не приносила политических дивидендов. Правда, в Египте Эр-Рияд сыграл успешную партию, сделал ставку на падение «Братьев-мусульман», но в Сирии антиасадовская риторика и антишиитский настрой мешали Саудовской Аравии присоединиться к России, Ирану и Турции, чтобы выступить в качестве одного из миротворцев. Неудачи в региональной политике накладывались на внутренние проблемы: дефицит бюджета в десятки миллиардов долларов из-за падения цен на нефть и военных расходов и разногласия в правящей семье Саудидов.

Для США неудача главной провозглашенной задачи - свалить бааситский режим и лично Б.Асада была лишь очередным звеном в цепи ошибок и провалов на Ближнем и Среднем Востоке.

Четверть века назад казалось, будто неведомая сила вдруг выдернула из устоявшегося ближне- и средневосточного порядка одну из его составляющих - советскую политику. Советский Союз был один из факторов ближне- и средневосточного баланса сил и в ряде случаев стабилизировал обстановку. Казалось, что было расчищено поле для безраздельного доминирования США.

Картина, на первый взгляд, изменилась до неузнаваемости, ибо не было уже ни «коммунистической угрозы», ни советско-американской конфронтации, ни подхода к арабо-израильскому конфликту как производному от нее, ни идеологически близких «друзей» СССР. Мало того, некоторые прежние составные части СССР, его южные республики, ныне независимые государства, быстро становились участниками региональной драмы и в качестве объектов, и в качестве субъектов.

В новой ситуации в 90-е гг. прошлого века и в первое десятилетие нашего в регионе изменился стратегический баланс сил. Если альянс США и

Израиля оставался действенным, то соглашения о дружбе и сотрудничестве между рядом арабских стран и СССР, имевшие характер полусоюзнических связей, превратились в прах.

Возник колоссальный стратегический дисбаланс в пользу Израиля и США. Не имея сил и средств для его устранения, общество мусульманских стран отвечало на это унижение, разочарование и бессилие новым взрывом фундаментализма и мусульманского экстремизма. Гегемония США на Ближнем и Среднем Востоке казалась абсолютной. Но ей бросил вызов Иран, особые позиции были у Сирии и Ливии. Конечно, все три хотели бы установить отношения партнерства с Соединенными Штатами, но Вашингтон не был к этому готов.

Что же: ближневосточная политика Москвы канула в Лету как исторический казус? Но ситуация развивалась отнюдь не по линейной траектории.

В тот период, в 90-е гг. XX в. и нулевые XXI в., Россия не могла вмешиваться в действия Вашингтона, хотя достаточно тактично указывала на ненужные ошибки его политики в регионе, не вступая в конфронтацию, а, наоборот, желая найти способы сотрудничества.

Самым ярким примером этого была помощь России действиям США и других стран НАТО в Афганистане: сам Кабул был взят войсками не США, а Северного альянса, вооруженного Россией и Ираном, впоследствии Соединенным Штатам была предоставлена логистика для переброски в Афганистан и из Афганистана персонала и грузов воздушным и наземным путем, шло кое-какое сотрудничество спецслужб.

Россия пыталась доказать необходимость новой политики: враг моего врага совсем не обязательно мой друг, он может быть общим врагом, и победа над ним будет означать выигрыш для всех. Но именно эта позиция отвергалась Соединенными Штатами, которые тогда были гегемоном в регионе.

У России после периода упадка и колебаний сложились как глобальные, так и региональные интересы. Благодаря своему потенциалу, ядерному, демографическому, территориальному, научному, она оставалась в верхнем эшелоне мирового сообщества. Именно с этим не хотели мириться страны Запада, что и вызывало сначала легкие элементы напряженности, превратившиеся в некую новую, пусть и ограниченную холодную войну.

В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ПОЛИТИКИ

Оценивать политику в регионе стран Запада и России в отрыве от Европы, мировой ситуации, от событий на Украине и в Крыму было бы контрпродуктивно. Когда холодная война завершилась

поражением и распадом Советского Союза, краткое время в Москве господствовали надежды на новые, равные, взаимовыгодные отношения с Западом.

Но, как оказалось, его лидеры, упоенные результатом холодной войны, которую СССР проиграл в экономической, социальной, информационной областях, хотя не в военной области, пошли на ряд действий, которые иначе, как враждебными России, назвать нельзя. После соответствующей идеологической обработки бывшие страны Варшавского договора и республики Прибалтики были втянуты в НАТО, что приблизило блок вплотную к России. Мало того, в восточноевропейских странах стали размещать системы противоракетной обороны в надежде уменьшить или ликвидировать потенциал ответного удара российских стратегических сил. С интересами России в области безопасности, с другими национальными интересами просто не считались. Надежда была на дальнейший развал самой России. Уже поговаривали о том, что Сибирь - это не российское, а «всемирное достояние».

Москва на практике признала бывшие административные границы, существовавшие в Советском Союзе между входившими в него республиками. Автору этих строк известно из собственных источников, что уже шли переговоры с Украиной, чтобы определить, кому в Керченском проливе принадлежали те или иные крошечные острова и отмели. Но при этом российская политика по отношению к Украине строилась на трех принципах, которые в Москве считали самоочевидными.

Во-первых, Украина должна была остаться дружественным и «постоянно нейтральным государством, которое не будет принимать участие в военных блоках» (как провозглашала Декларация о государственном суверенитете Украины 1990 года [3]), с территории которого никакая угроза национальной безопасности России не могла исходить.

Во-вторых, российские военные базы в Крыму, обеспечивавшие безопасность страны с южного направления, должны были остаться в руках России.

И, в-третьих, русский язык, на котором, как на родном, говорила примерно половина населения Украины, должен был остаться или государственным, или языком межнационального общения.

И все? Все остальное могло решаться путем переговоров, пусть трудных и долгих, в интересах двух братских народов. Как говорил А.А.Громько, «лучше десять лет переговоров, чем один день войны».

Но на Украине все больше тон задавали оголтелые националисты, объявившие своими героями организаторов «Волынской резни» - геноцида поляков или просто служивших в рядах дивизии

СС «Галичина» гитлеровской Германии. Русофобские настроения поддерживали многочисленные западные фонды. Вопреки прежним обещаниям, принимались меры, чтобы втянуть Украину в НАТО, по этому поводу руководство блока делало официальные заявления, а они воспринимались украинскими националистами как руководство к действию. Искусственно затруднялось нормальное функционирование российских баз в Крыму. Мало того, на полуострове стали проводить совместные учения сил НАТО и украинских вооруженных сил, несмотря на протесты местного населения.

Россия не могла на это не реагировать. Элементы холодной войны возродились ДО событий в Сирии, ДО украинского «майдана», ДО референдума в Крыму, ДО кровопролития на Донбассе. Ущерб и для России, и для Украины очевиден.

Любые призывы России найти с Западом общие точки соприкосновения, общую сферу интересов, найти способы мирного решения конфликтов, в частности, на Ближнем и Среднем Востоке - все эти предложения искажались, заматывались, отвергались. Было ли разумным такое поведение и лидеров, и СМИ Запада? Отвечало ли оно их национальным интересам и даже эгоистическим интересам западных элит?

Оказалось, что Россия в лице Советского Союза была для них противником не только идеологическим, не только потому, что пыталась создать альтернативную социально-политическую систему, отрицающую западные ценности, основанные на частной собственности и индивидуализме. Просто Россия «должна была» подчиняться, «быть ведомой» по тому пути, который определял сам Запад. А если этого не происходило, она становилась противником.

ЧТО НУЖНО РОССИИ В РЕГИОНЕ?

Однако в Москве задавали вопрос: насколько правильно вел себя Запад в целом в мире и в регионе Ближнего и Среднего Востока, насколько эффективной была его политика, и не приводила ли она к отрицательным результатам для всех? Разве не об этом говорили последствия военной интервенции в Ирак, а позднее - в Ливию? Мир реально становился более сложным и полицентричным, но это не укладывалось в мышление и стратегию Вашингтона.

Что нужно России в регионе? Стабильность и предсказуемость. Торгово-экономические, культурные, туристические связи, безопасность воздушных и морских коммуникаций. Это - декларированные задачи. Они общие для России, Запада, Китая, Индии. Правда, сейчас уже никто не может гарантировать стабильность и предсказуемость, даже в евроатлантической зоне, даже во взаимоот-

ношениях между США и Китаем, не говоря о Ближнем и Среднем Востоке. В мире обостряются противоречия, связанные с неравномерностью развития, с соперничеством ценностных ориентиров, появляется угроза хаотизации всей мировой системы.

При этом Россия не может быть по основным экономическим показателям главным актором и полицентричного мира, и конкретно в этом регионе, какова бы ни была велика ее роль в Сирии. Однако сотрудничество и с местными акторами, и с мировыми державами может охватывать широкий спектр: нераспространение ядерного и другого оружия массового уничтожения, предотвращение неконтролируемого трафика оружия, нелегальной миграции, торговли людьми, незаконного оборота наркотических и психотропных средств. Местные проблемы экономической безопасности, изменения климата, доступа к воде могут решаться только совместными усилиями.

На первом месте стоит терроризм, вернее исламистский экстремизм. «Россия рассматривает борьбу с международным терроризмом в качестве важнейшей государственной задачи и ключевого приоритета в сфере международной безопасности», - говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации [1].

Военный разгром ИГИЛ, «Ан-Нусры» возможен, как недавно произошел военный разгром «талибов» и «Аль-Каиды». Но эти экстремистские организации появляются в новом облике. Идеология экстремизма дает простые ответы (точнее, псевдоответы) на сложные вопросы современности.

Полная «победа» над ними возможна совместными усилиями при коренной замене социально-политических, экономических, психологических условий во всемирном масштабе, установлении отношений равенства, взаимоуважения. Проекты «Исламского государства», всемирного или местного халифата, сами по себе средневековые и фактически обречены на провал. Но идеи могут возрождаться и привлекать к себе новых сторонников. Неравноправие большинства мусульманских стран по отношению к евроатлантическому региону порождает протесты, в т.ч. в безобразной, т.е. террористической форме. Терроризм был, есть и - увы! - будет. Вопрос масштаба.

Ближний и Средний Восток будут меняться, но куда и как? Исламская система шиитской «демократии» оказалась эффективной в Иране. Надолго ли? Использование рамок, похожих на западную демократию, оказалось эффективным для укрепления исламистских умеренных сил в Турции. Надолго ли? Как будет обеспечена трансформация автократического режима в Египте и монархий Аравийского полуострова? Вопросов больше, чем ответов.

Россия не вмешивается в эти процессы, не выступает в роли «учителя», тем более что-то навязывая. Она была нейтрально доброжелательной по отношению к «арабской весне» и «арабской зиме». Выбор пути развития - за странами региона. Лишь позиции исламистского экстремизма и терроризма остаются абсолютно неприемлемыми.

У России остался капитал сотрудничества со своими непосредственными южными соседями, сложившийся за столетия, с арабским миром - за десятилетия. Россия, действительно, стала более прагматичной, ее политика избавилась от приставки «про», она стала не «проарабской» и не «произраильской» и, в принципе, пытается служить своим собственным интересам. После попыток отождествления своей политики на Ближнем и Среднем Востоке с курсом Вашингтона стало ясно, что интересы и США, и России в регионе, хотя и не конфронтационные, но разные, а принимать в общую игру Россию Запад как здесь, так и в Европе, не собирается. Односторонние уступки России воспринимались как должное, и в виде «вознаграждения» в лучшем случае использовался какой-то декорум.

«ВРАГ МОЕГО ВРАГА» МОЖЕТ БЫТЬ И МОИМ ВРАГОМ

Отказ от великодержавности, от конфронтации и мессианских идей заставил Россию пересмотреть отношение к конфликтам в регионе. Если раньше главный вопрос заключался в том, чьи союзники («друзья»), «клиенты» участвуют в конфликте и «враг моего врага» становился «другом», то в настоящее время превращение Ближнего и Среднего Востока в зону мира и стабильности соответствовало бы и краткосрочным, и долгосрочным интересам и России, и США, и Западу. Повторим: «Враг моего врага» мог становиться общим врагом.

Россия сделала в политике упор на двусторонние отношения. Их экономический компонент стал главным и увеличился вместе с выходом страны из кризиса, с улучшением внешнеэкономических связей, хотя еще далеко несовершенных. Строительство атомных электростанций и запуск спутников показывают, что Россия может быть партнером и в области высоких технологий. Географическая близость и взаимодополняемость экономик на основе создания совместных предприятий и взаимного инвестирования капиталов может позволить России найти свои ниши.

Значительный рост экономического обмена между Россией и странами Ближнего и Среднего Востока - дело будущего, пока же экспорт российского оружия остается важной частью ее экономической экспансии. Россия участвует во всех мерах по устранению в регионе ядерного, биологи-

ческого, химического оружия. Это - зона потенциального взаимопонимания с Западом. Но законные оборонные интересы ряда стран встречаются в Москве положительный отклик. Расплата за оружие предпочтительна для России в ограниченные сроки. Старых военных долгов полностью никто не выплачивал. Никто не будет платить за уже сделанный выстрел, особенно за пулю или снаряд, выпущенные мимо цели.

Брожение в регионе с терактами, взрывами и даже войнами будет продолжаться на уровне или нынешнего, или более умеренного хаоса. Политические течения, выступающие за различные варианты развития, будут искать свои модели. Либерально-демократические, исламские, исламистские, какие-то свои собственные. Россия продемонстрировала, что она с одинаковым доброжелательством и нейтралитетом относится к любым социально-политическим экспериментам, которые здесь проходят, за исключением крайнего экстремизма и терроризма, ставшего уже всемирной угрозой.

Во внешней политике будет учитываться российское общественное мнение, симпатии или антипатии к тем или иным общественно-политическим или религиозным течениям и к тем или иным странам или режимам. Через избирательные урны или средства массовой информации, через киберпространство общественное мнение будет воздействовать и на руководство страны, и на ее внешнеполитический курс. Поэтому и поведение Израиля, и судьба мусульманских и христианских святынь в Иерусалиме, и возможные конфликты между мусульманскими странами и Западом, и судьба христианского населения в регионе становятся в России вопросами как внешней, так и внутренней политики.

На сочетании общих интересов и стремлении сузить или игнорировать противоречия будут строиться отношения России с Турцией с учетом появления здесь и в Сирии негосударственных акторов, в частности, курдов. Не жертвуя принципами, Москва стремится сохранить нормальные отношения с правительствами тех стран, где они проживают. Но курдская проблема, которая затрагивает Ирак, Турцию, Иран и Сирию, - самый крепкий орешек. В курдском вопросе Россия по-прежнему «сидит на заборе». Позиция некомфортная, но лучшей пока нет.

Россия проводит линию на всестороннее развитие сотрудничества с Исламской Республикой Иран, а также добивается последовательной реализации всеобъемлющей договоренности по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы на основе соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, решений Совета управляющих МАГАТЭ и оказывает этому процессу всестороннее содействие.

С Египтом Россию связывают особые отношения. Казалось бы, обе страны бесконечно различны своей историей, культурой, религией, масштабом, образом жизни, географически довольно далеки друг от друга. Менялись режимы, идеология, политика. Но оказалось, что их высшие государственные интересы никогда не сталкивались, но дополняли друг друга. На этой основе будет строиться их общее будущее.

«МАТЬ ВСЕХ КОНФЛИКТОВ»

Превращение Ближнего и Среднего Востока в подлинную зону мира и стабильности, в т.ч. урегулирование «матери всех конфликтов» - арабо-израильского, соответствовало бы и краткосрочным, и долгосрочным интересам России.

Москва продолжает приветствовать формулу ближневосточного урегулирования «мир в обмен на землю». Но она вряд ли будет гарантом какого-либо соглашения, если не будут соблюдены определенные принципы. Даже официально декларированная советская политика в деле ближневосточного урегулирования выглядела железобетонной, застывшей, малоподвижной, потому что она была принципиальной. Она не менялась даже от смены режима к режиму, от советского к постсоветскому периоду. Урегулирование в рамках резолюций СБ ООН № 242 (1967 г.) и № 338 (1973 г.), может быть даже оставленных за скобки ссылок на ООН, было и остается базой российской политики.

Объем суверенитета, границы будущего Палестинского государства, характер его руководства, особенности его нейтралитета, демилитаризации, его отношения с Иорданией и Израилем, самый сложный вопрос о статусе Иерусалима, о судьбе беженцев - все это могло бы быть предметом переговоров и компромиссов.

Но признание других основ урегулирования по израильской схеме означало бы двойную потерю для России. Во-первых, отход от принципов решительно подорвал бы кредит доверия к Москве в арабском и мусульманском мире. Во-вторых, беспринципное «урегулирование» означало бы диктат более сильной стороны - Израиля и его «стратегического союзника» США и бросило бы в землю семена более глубокого и более разрушительного конфликта в не столь отдаленном будущем.

Позиция автора по отношению к ближневосточному урегулированию сводится примерно к следующему. Конфликт в нынешнем виде будет продолжаться довольно долго. Израиль будет продолжать отхватывать кусочек за кусочком палестинской территории, строить новые поселения, хотя проблема увеличения численности еврейского населения в самом Израиле стоит под

вопросом. Здесь сейчас живет более трети всех евреев мира. Новой волны иммиграции в данных условиях ждать не приходится, хотя резкое и непредсказуемое изменение ситуации в мире может привести к росту желающих уехать «на историческую родину».

Если перейти с языка деклараций к альтернативам развития событий, можно предположить несколько вариантов.

Первый - это тот, о котором только что шла речь.

Второй вариант - «решение» по принципу этнической чистки палестинцев, т.е. изгнание максимального их числа за линии перемирия, которые контролирует Израиль. Это был бы шаг крайне правой части истеблишмента, бросающий вызов не только арабам и всем мусульманам, но и мировому сообществу. В каких-то чрезвычайных обстоятельствах, возможно, это сошло бы с рук. Этот вариант экстремистский, он труден, потому что мир охвачен информационными технологиями, и просто делать что-то, чтобы поставить человечество перед свершившимся фактом, опасно. Мало того. В истории часто действовал принцип бумеранга: зло, причиненное другим, возвращалось к совершившим его.

Третий вариант - чисто теоретический, наивный, идеальный и вряд ли осуществимый. Он заключается в создании единого арабо-еврейского государства с подлинным равноправием его граждан. Подразумевается как участие арабов наравне с евреями в политической, военной, деловой, образовательной и другой деятельности, так и в возможности приобрести землю и другую собственность. Такого рода государство, если бы оно было создано, стало бы экономическим, финансовым, инновационным, научно-техническим центром Ближнего Востока с положительным воздействием на ситуацию как в самом Израиле - Палестине, так и во всем регионе. Исчез бы прецедент антиизраильской риторики экстремистов. Открылись бы широчайшие возможности использования талантов и евреев, и палестинцев и процветания и тех и других.

Можно предполагать, что этот вариант отвергнет абсолютное большинство евреев и значительный процент арабов хотя бы потому, что взаимная ненависть и недоверие за годы, прошедшие после образования Израиля и арабо-израильских войн, - реальный фактор политики и психологии. Выросло поколение палестинцев, особенно молодежи, которые ненавидят не только Израиль, но и любого еврея. Они готовы, если в их руки не попадет автомат, заточить пластмассовую школьную линейку, превратить ее в примитивный нож, чтобы пырнуть любого еврея. А солдат-еврей считает себя вправе сначала стрелять в подозрительного араба, а потом думать.

Изменить эту психологию трудно. Как показала практика, также трудно добиться территориального отделения друг от друга. Отказ от израильской оккупации сектора Газа привел к созданию не какого-то процветающего Гонконга, а огромного вооруженного, озлобленного гетто, которое не собирается признавать необходимость существования с Израилем, хотя фактически существует.

Разговоры о создании Палестинского государства останутся частью политического дискурса, в т.ч. российского, но не более. Ведь главный вопрос, что понимать под термином «государство». Если «государство» значит знамя, гимн, «мерседесы» для высших чиновников, почетный караул и т.д., то в этом смысле Палестинское «государство» может появиться.

Но фактически оно, как сейчас Палестинская автономия, будет играть роль муниципалитета, заниматься водой, канализацией, школами, больницами и т.д. А как насчет суверенитета и территории? Суверенитет под оккупацией невозможен, а населенные палестинцами территории представляют собой разрозненную сеть мини-бантустанов, которые в подлинное государство просто не могут превратиться без эвакуации значительной части еврейских поселений, что вообще не представляется реальным.

В этих условиях Россия будет поддерживать дружественные политические и торгово-экономические отношения с Израилем, изредка находить точки политического соприкосновения, делать совместные заявления по поводу борьбы с терроризмом и, может быть, даже обмениваться опытом в этой борьбе. Россия будет продолжать говорить о признании прав палестинцев, оказывать им кое-какую помощь, поддерживать связи с различными палестинскими фракциями. Что еще? Конечно, будут развиваться культурные и семейные связи, российский туризм в Израиль. Но реальный стратегический партнер, союзник и защитник Израиля - США, и ни на какую Россию этого друга Израиль не променяет. Да и России такой слишком близкий друг не нужен.

ЭКОНОМИКА - РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР

Пока что мало внимания уделяется фактору, который может оказаться решающим для определения политики России, США, других стран в регионе. Мировая экономика на ближайшие 20-30 лет по углеводородам может оказаться ресурсоизбыточной. Может еще больше сократиться нефтяная и газовая рента стран региона, богатых этими ресурсами, что будет влиять и на общую экономическую ситуацию.

Причина - именно в «сланцевой революции», которую переживают США. Толчок к ней дали

сверхвысокие цены на нефть, когда многим казалось, что ее запасы вот-вот истощатся, поэтому цены взлетели и будут расти. Но именно благодаря высоким ценам на нефть США начали энергично осваивать ее добычу из горючих сланцев. И если 5-7 лет назад себестоимость барреля из горючих сланцев была около \$100, то сейчас в пределах \$20-50, хотя пока что ближе к 50. Быстрое и успешное развитие технологий добычи в сочетании с мерами по защите окружающей среды вызвало бум в производстве сланцевой нефти. Это означает, что рынок, в котором сейчас пока что господствуют цены в районе \$50 за баррель, может оказаться перенасыщенным, все большую ее долю будет захватывать сланцевая нефть.

Конечно, по-прежнему себестоимость нефти в районе Персидского залива будет меньше \$10. Производители смогут сохранить за собой значительную долю рынка. Но катастрофическое падение доходов принципиально изменит общую финансовую, экономическую и социальную ситуацию в регионе, впрочем, как и в России.

Одновременно идет быстрое увеличение производства энергии из нетрадиционных, возобновляемых источников, особенно за счет солнца и ветра. Все это уменьшает значение ресурсов Ближнего и Среднего Востока для США и Европы, хотя и не для Китая, Индии, Японии.

В России данные по ценам на себестоимость добычи в высшей степени разбросанные: то утверждают, что средняя цена - \$2 за баррель, то приводятся таблицы, в которых на старых месторождениях средняя цена - \$6, на новых - \$20. В любом случае добыча нефти в России будет двигаться в район Ледовитого океана и становиться все дороже. Богатейшие месторождения горючих сланцев требуют новых технологий, которыми Россия пока не обладает. Трудное сотрудничество в энергетике со странами ОПЕК, в частности со странами Ближнего и Среднего Востока, остается одним из приоритетов российской политики.

Геостратегическое положение России уникально. В глобальном плане она - единственная страна Севера, граничащая на протяжении тысяч километров с новыми мусульманскими государствами или находящаяся от них сравнительно недалеко. Вопрос в том, будет ли эта пограничная полоса зоной нарастающих и разрушительных конфликтов, или Россия и соседние страны сохранят и разовьют новые формы сожительства и сосуществования. Это одно из принципиальных и в значительной степени успешных направлений политики России в «ближнем зарубежье».

ГАРМОНИЧНОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО

При оценке любой внешней политики возникают традиционные, но сакраментальные вопро-

сы о критериях ее успеха или неудачи. Если говорить о месте внешней политики в отношениях между различными частями рода человеческого, между цивилизациями, то волей-неволей придется мыслить не годами, не десятилетиями, а веками. И в их задымленной песчаными бурями дали вообще теряется понятие «успех» или «неудача», «победа» или «поражение» того или иного актора исторической драмы. И российская, и американская, и европейская, и китайская политика на Ближнем и Среднем Востоке - лишь ограниченные по времени и пространству фрагменты отношений между миром ислама и мирами других цивилизаций, через боль и испытания, через пробы и ошибки, ведущие к гармоничному сожительству друг с другом. Гармоничному? Да, потому что иного не дано, иное означает Апокалипсис.

Вызовы, с которыми человечество сталкивается в XXI в., угрозы ядерной, химической и биологической войны, уже идущей кибервойны, неизвестные последствия распространения ИТ, экологической катастрофы, миграции миллионов, взрыв террористической организованной активности - эти вызовы таковы, что с ними можно справиться, лишь объединив усилия всех.

Еще вчера страны евроатлантической цивилизации благодаря своему уровню технологий и производительности труда, интеллектуальной деятельности, общественным и политическим структурам и ценностям, развитию новых средств коммуникаций, лидерству в использовании Интернета считали свою модель мира самой совершенной. Сегодня прежние иллюзии умирают. Новая всемирная цивилизация должна быть основана на отношениях равных. И в этом новом мире равных каждая его составляющая будет вносить свой, особый вклад во всемирную цивилизацию не только технологическим прогрессом, но и обогащением всех трансформированными достижениями своих собственных цивилизаций.

Опыт Японии, четырех «маленьких драконов», Малайзии, а затем и великого Китая показывает, что возможности для развития по своему пути с реальными достижениями есть и у мусульманских стран. Когда и как это произойдет, сказать трудно.

Сама советская социально-политическая и экономическая модель была попыткой применить на практике крайние, радикальные общественные теории, родившиеся в буржуазном обществе Западной Европы в XIX в. Человечество извлекло уроки из позитивного и из негативного опыта социалистических стран. Без этого опыта и Запад, и все человечество были бы другими. Правда, для русского народа плата за его вклад во всемирный опыт была чудовищно велика.

Нынешнее стремление России повторить некоторые формы развития Запада очевидно. Но просто копирование невозможно и обречено на неудачу. Вся история гигантской России, ее особой структуры, психологии русских и других народов ее населяющих, система ценностей, которую они разделяют, говорит о том, что заимствуя от Запада, приближаясь к Западу, она остается сама собой. Подъем Востока и желание оставлять не только окно, но и дверь открытой для сотрудничества со странами Востока, позволяет России быть собой и одновременно впитывать достижения других народов.

В обновленной России могут выработаться элементы синтеза различных частей всемирной цивилизации. Россия нужна мусульманскому миру, как и мусульманский мир нужен России. России нужны и США, и Китай, и она нужна этим двум колоссам.

Хотелось бы на ноте оптимизма завершить статью. Но - увы! - слишком много тревожных признаков того, что ни России, ни ее соседям, ближним и дальним, ни ее партнерам, и более экономически развитым, чем она, и менее развитым, не избежать тяжелых испытаний.

Список литературы / References

1. Концепция внешней политики России (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.). (The concept of Russia's foreign policy; approved by the President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016) (In Russ.) - www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/.../2542248 (accessed 1.10.2017)
2. Путин: в ИГ воюют от 5 до 7 тысяч выходцев из СНГ. (Putin: from 5 to 7 thousand people from the CIS are fighting in the IG) (In Russ.) - www.bbc.com/russian/news/2015/10/152016_putin_cis_isis (accessed 1.10.2017)
3. Декларация о государственном суверенитете Украины (1990). (Declaration on State Sovereignty of Ukraine (1990) (In Russ.) - <https://ria.ru/spravka/20150716/1127839049.html> (accessed 2.10.2017)